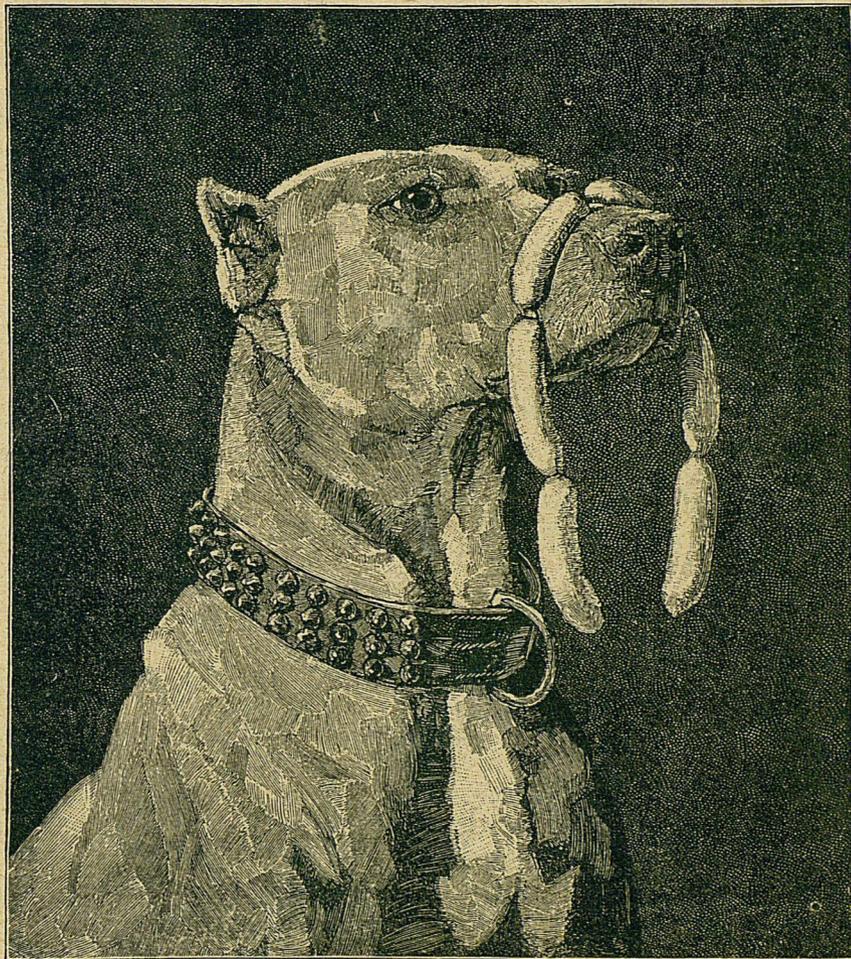

Свѣтлячокъ

1904 г. ◦ годъ III. ◦ № 6

Государственная
Библиотека
С. П.
И. В. Ленин

„ВОТЪ ЭТО ТЕРПѢНЬЕ!“...

Сказки-коротышки

Досужей Мышки

ОНИ НЕ ВЪ ЛАДАХЪ.

СИДѢЛА лягушка на камушкѣ, мордочку подняла, глаза выпучила, грѣтется себѣ на солнышкѣ.

Шель по мосту мальчуганъ, увидалъ лягушку, замахнулся камнемъ и бросилъ въ нее...

Лягушка на-силу ноги убрала, да въ прудъ юркнула, ни жива, ни мертва... — «За что? — думаетъ, — онъ камнемъ бросилъ».

А какъ стали другія лягушки спрашивать:

— За что тебя мальчуганъ чуть не убилъ?..

Тутъ лягушка надулась, глазищи выпучила, кулачки сжала...

— Гмм!.. — говорить, — какъ вамъ, сестрицы, сказать: мы съ нимъ съ давнихъ поръ живемъ не въ ладахъ; такъ, домашнія непріятности!..

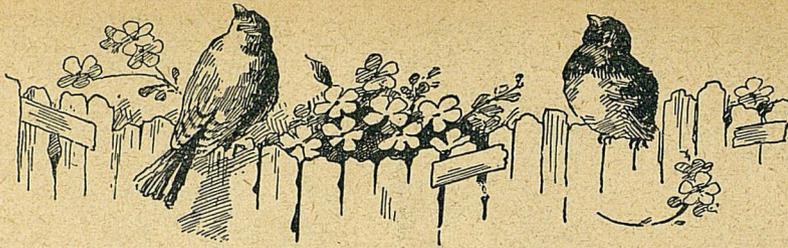
Старая утка.

УВИДАЛЪ мальчуганъ на берегу старую утку съ выводкомъ и сталъ надъ ней смѣяться: — Дура ты, дура: ничего не знаешь. Вотъ гляди, — я на доскѣ задачу рѣшилъ. А твоя глупая голова ничего этого не понимаетъ. Ничего-то ты не дѣлаешь, только день-денской ѣшь, да по пруду плаваешь!..

— Ты,—говорить утка,—съ мое поживи; я вотъ восьмой выводокъ утятъ рощу, да оберегаю; яйца несу, и знаю, что наступить время,—и меня зарѣжутъ на жаркое, а перьями тебѣ подушку набьютъ... Задачи я не рѣшу,—а свое дѣло справляю и ничего зря о томъ не болтаю. Каждый хорошъ только на своемъ мѣстѣ!..

Весна.

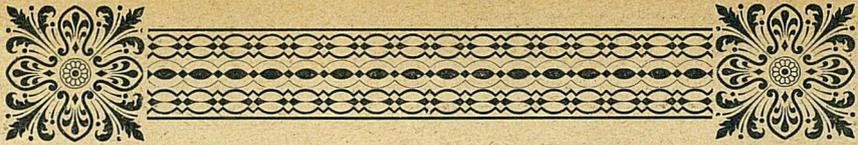
СЕБЯ почуявъ на свободѣ
Шумить и пѣнится рѣка,
И на лазурномъ небосводѣ
Плывутъ сквозныя облака.
Еще поля подѣ рыхлымъ снѣгомъ
И просятъ солнечныхъ лучей,
Но новорожденный ручей
Бѣжитъ съ горы веселымъ бѣгомъ
И, проливаясь на поля,
Журчить-поеть:—„проснись, земля!“.
На смѣну зимнему ненастью
Пришла желанная весна,
И мѣръ ея волшебной властью
Надолго скинулъ чары сна.
Онъ улыбается спросонокъ,
Онъ дышетъ вольно и легко,
А тамъ, подѣ небомъ, высоко
Несется радостень и звонокъ
И долетаетъ до полей
Побѣдный голосъ журавлей.

Левъ Медвѣдевъ.

ГНѢЗДО ЗАЩИЩАЕТЪ!..

Дочь сторожа.

КОГДА ѣдешь по желѣзной дорогѣ, то около рельсъ и насыпи видишь маленькія будочки. Около будочки стоит стрѣлочникъ — сторожъ дороги. У каждаго сторожа — свой участокъ рельсъ; онъ его осматриваетъ, цѣла ли насыпь, цѣлы ли рельсы. Если все благополучно, — онъ, видя идущій поѣздъ, показываетъ ему зеленый флагъ, — это такой условный знакъ: все, молъ, благополучно. Если же путь испорченъ, — такъ сторожъ поднимаетъ красный флагъ: не ладно, молъ, у меня что-то. Править поѣздомъ машинистъ; онъ увидитъ красный флагъ и остановить поѣздъ, несчастья и не будетъ.

Жиль-быль въ такой будочкѣ сторожъ Иванъ. Шестъ лѣтъ служилъ, все слава Богу было, никакого несчастья не случилось. А онъ старательно осматривалъ свой участокъ каждый день и утромъ, и въ полночь, и вечеромъ. Онъ жилъ тутъ съ дочерью, и она помогала ему во многомъ.

Приходятъ разъ къ Ивану недобрые люди и говорятъ:

— Служишь ты долго, а получаешь мало. Хочешь разбогатѣть?

— А какъ же такъ? — спрашиваетъ Иванъ.

— А вотъ какъ, — говорятъ пришедшіе. — Положимъ мы на рельсы большой камень; ты флагомъ покажешь, что все благополучно; налетитъ поѣздъ на камень, перебьетъ людей, — тутъ, въ суматохѣ мы хорошо и поживимся.

Покачалъ головой Иванъ.

— Неладное дѣло вы задумали. Какъ на такой грѣхъ идти?

Слово за слово, поссорились они, а потомъ трое набросились на него, повалили на землю и связали по рукамъ и по ногамъ; а въ ротъ сунули платокъ, чтобы онъ кричать не могъ

Потомъ схватили дѣвушку и ее связали.

Бросились они на дворъ, втроемъ тяжелый булыжникъ вкатили на рельсы и скорѣй кинулись въ сосѣднюю рощу.

Облилось сердце кровью у Ивана. Смотритъ онъ на часы и видитъ, что черезъ часъ долженъ поѣздъ мимо нихъ пройти. Что-то будетъ? Господи! Налетитъ поѣздъ на камень, сойдетъ съ рельсъ,—весь разобьется, сколько народу побьетъ.

И даже заплакалъ Иванъ отъ отчаянія и безсилія...

Между тѣмъ дѣвушка сама понимала не хуже отца, какое горе грозитъ идущему поѣзду. Счастье, что разбойники вторыхъ ненадежно связали ее. Долго билась она, а наконецъ-таки высвободила одну руку, а потомъ и другую.

Хотѣла она отцу помочь, но тотъ ей киваетъ:—„иди, молъ, посмотри лучше, что тамъ разбойники надѣлали. Время ужъ!“...

Выбѣжала дѣвушка и видитъ,—огромный камень на рельсахъ.

Выдернула палку изъ плетня, подъ камень подсунула и стала его спихивать. Всѣ силы напрягаетъ, а дѣло идетъ тихо-тихо. И слышитъ она,—вдали гулъ раздается... Чу!.. Свистокъ, другой!.. Такъ и есть,—поѣздъ идетъ... Вонъ вдали мелькнули три фонаря.

И заплакала дѣвушка... — „Господи!.. Помоги!“...

Всѣ силы напрягла, такъ что дыханіе замерло, и жилы надулись на лбу, и свернула-таки камень въ сторону...

Съ грохотомъ пролетѣлъ паровозъ мимо нея, да замѣтилъ машинистъ, что-то неладное: лежитъ женщина какая-то, и сторожа на мѣстѣ нѣтъ,—и остановилъ поѣздъ. Сошли люди, встревоженные, спрашиваютъ:—„Что такое? Что тутъ случилось?“ — Никто ничего разъяснить не можетъ. Подняли дѣвушку,—она безъ памяти...

Бросились въ сторожку, развязали сторожа,—онъ все и рассказалъ, что тутъ написано...

А. Федоровъ-Давыдовъ.

Купите вербочку!

Оригин. рисун. для „Свѣтлячка“ Е. Вашкова.

Чушка

РАЗСКАЗЪ.

Съ рисунками Н. Николаевского.

(Продолженіе. См. № 5).

III.

ПРИШЛА еще одна весна. Когда мы приѣхали изъ города, то въ деревнѣ, какъ говорится, былъ рай земной. Дни стояли теплые, ясные, деревья покрылись яркою листвою, поля запестрѣли первыми цвѣтами; въ фруктовомъ саду цвѣли яблони; оттуда доносился дивный, тонкій аромат, и деревья казались убранными снѣжкомъ. Воздухъ былъ полонъ щебетанья птичекъ, грачи громко каркали въ сосѣдней рошѣ; на прудѣ квакали лягушки. Ничего нѣтъ милѣе, отраднѣе въ природѣ, какъ приходъ весны, тихой, живительной, благодатной.

Мы, дѣти, въ первый же день приѣзда въ деревню, понеслись по полямъ и лѣсамъ, какъ вольныя пташки. Надо было все осмотрѣть,

всюду побѣгать, надо было надышаться чистымъ воздухомъ и вдоволь попѣть, покричать вмѣстѣ съ голосистыми птичками.

Набѣгавшись по саду, мы всѣ впятеромъ ворвались и на скотный дворъ.

Наша мама и тетя Варюша разговаривали со скотницей Марьей. Она на что-то жаловалась, показывала на ногу и плаксиво говорила:

— Житья отъ него никому нѣтъ... Какъ угодно, а меня увольте... Терпѣть больше не въ силахъ... Эдакъ онъ всѣхъ «спортить»...

Тетя отвѣчала спокойно, но, какъ и всегда, ея громкій голосъ раздавался по всему двору.

— Почему же онъ бѣситя, Марья, нападаетъ именно на тебя? Вѣрно, ты его бьешь?

— Пальцемъ я его не тронула... Такая ужъ скотина зловредная... Вѣдь и скоть-то разный бываетъ,—говорила Марья сердито.

Мы прислушивались и не могли понять, о комъ это онѣ говорили.

Въ это время произошло событіе, поразившее и насмѣшившее насъ всѣхъ.

Въ дальнемъ концѣ скотнаго двора находился свиной хлѣвъ или, какъ мы его попросту называли, «свинярикъ».

Изъ этого хлѣва выбѣжала свинья съ по-

росятами, а за нею—еще нѣсколько большихъ свиней... Всѣ онѣ остановились вдали отъ насъ и повернули въ нашу сторону головы, смотрѣли, похрюкивая, и, кажется, разсуждали: «что это за люди, и зачѣмъ они здѣсь?»

Одна изъ свиней была такая огромная, толстая и жирная, что на нее неприятно было смотрѣть; глаза у нея были маленькіе, какъ щелочки, совсѣмъ заплывшіе жиромъ, изо рта торчали два клыка, а большой, розовый пятачокъ на носу тихо шевелился. Свинья эта отдѣлилась отъ стада, остановилась, какъ вкопанная, и внимательно слушала, что говорили скотница Марья и тетя Варюша. Вдругъ она повернула голову на-бокъ точно такъ, какъ дѣлалъ нашъ хорошенькій, маленькій Чушка.

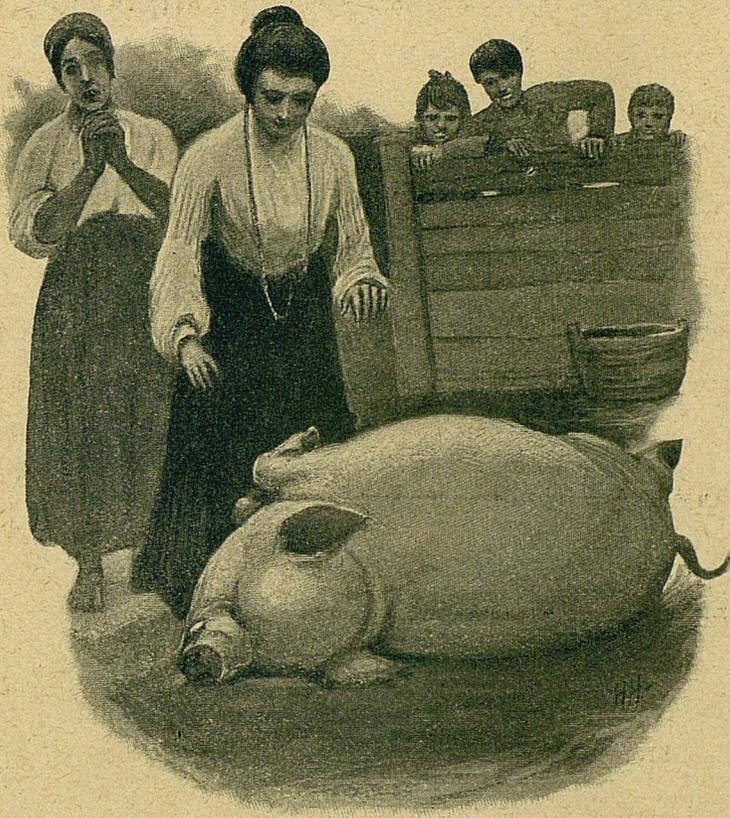
— Смотрите, какъ слушаетъ вашъ разговоръ эта жирная «поросятина»,—сказалъ Витя.

— Она даже уши насторожила и глазъ не спускаетъ съ тети Варюши...

Не успѣла Ирочка окончить эту фразу, какъ громко вскрикнула и бросилась въ сторону. Мы тоже бросились вразсыпную и прежде всѣхъ—Марья. Всѣхъ перепугала свинья. Она бѣжала въ нашу сторону, можетъ, хотѣла насъ укусить или ударить клыками.

Одна тетя Варюша не испугалась, не убѣжала и осталась стоять на своемъ мѣстѣ.

И вдругъ эта огромная туша повалилась въ ноги тети Варюши и подняла кверху свои

лапы. Тутъ ужъ невозможно было удержаться отъ смѣха, и мы всѣ громко расхохотались.

— Это, навѣрно, Чушка!—воскликнулъ Витя.

Да, это былъ онъ. Тетя нагнулась, гладила и ласкала чудовище и нѣжно приговаривала:

— Милый Чушка, ты меня не забылъ, ты меня узналъ!.. Зачѣмъ-же ты все тутъ проказничаешь, обижаешь другихъ?! Не хорошо!..

Мы выскочили изъ засады, безстрашно обступили тетю Варюшу и не мало дивились.

— Нельзя узнать Чушку,—сказала Оля.

— Даже представить невозможно,—воскликнула Ирочка,—чтобы изъ нашего миленькаго Чушечки вышло такое толстое чудовище.

— А между тѣмъ это онъ!.. Узналъ меня и довѣрчиво бросился мнѣ навстрѣчу... Значить, и свиньи кое-что понимаютъ и чувствуютъ,—говорила довольная тетя Варюша.

А Марья, стоя вдали, громко кричала:

— Не трогайте, барчата, его... Онъ злой. Прогоните, его, барышня!.. Онъ кусается...

И вдругъ Чушка, услышавъ голосъ Марьи, вскочилъ и сердито бросился въ ея сторону. Марья закричала, побѣжала и влѣзла на изгородь. Мы всѣ смѣялись, а тетя Варюша загнала Чушку въ хлѣвъ и сказала:

— Невозможно понять, почему Чушка не любить Марью. Странно это! Надо разузнать.

Клавдія Лукашевичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Потѣшныя странички.

Самъ виноватъ!..

ЗНАЛЪ малютку я слоненка,
Онъ искусно лгать привыкъ,
Но, по милости котенка,
Отъ привычки той отвыкъ...
Лгалъ онъ въ шутку, лгалъ
серьезно;
Ни отецъ, ни даже мать
Нѣжной лаской, рѣчью грозной
Не могли его унять...
И прозналъ про то коташка:
— „Ну, — смекаетъ, — хоро-
шо жь, —

„Знають всѣ твою замашку,
„Ты мнѣ въ лапы попадешь!..“
Только сядетъ слонъ за сто-
ликъ, —
Все, что тамъ, — съѣдаетъ котъ
И смѣется самъ до коликъ:
„На слона-де все падеть!..“
Ну, и точно, — входитъ бонна:
— „Какъ ты смѣлъ съѣсть зав-
тракъ мой?..“
И слоненокъ уличенный
Слезы льетъ и льетъ рѣкой.

Шалунишку въ уголь просять,
 Бьютъ по хоботу; въ обѣдъ—
 Всѣмъ пирожное подносятъ,
 А слоненку—нѣтъ да нѣтъ...
 Хочетъ бѣдный оправдаться,
 Но не вѣрятъ всѣ теперь...
 Коть же ходить баловаться,
 Ужъ такой лукавый звѣрь!..
 На слона глядятъ сурово
 И слону такъ тошно жить...
 И даетъ тогда онъ слово
 Только правду говорить.
 — „Только не было бѣ мнѣ гонокъ,
 „Только вѣрите мнѣ во всемъ!..“

И, какъ вѣжливый слоненокъ,
 Тронулъ сердце хоботкомъ...
 — „Кто же вѣль?“—спросилъ па-
 паша.
 Но не выдалъ слонъ кота...
 — „Это, — молвилъ, — тайна
 наша,
 „Но душа моя чиста!..“
 Обнялъ слонъ слона-младенца,
 Съ лаской ухо покрутилъ,
 Въ умиленьи полотенце
 Взялъ и слезы осушилъ...

Ткачъ Рснова.

Мышь!.. Мышь убѣжала!..

